

АНДРЕЙ
КОЛЕСНИКОВ

АНДРЕЙ КОЛЕСНИКОВ

ДОМ

на Старой
площади

Сноски и примечания

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Художник — *Андрей Рыбаков*

Фото автора на переплете — *Анна Артемьева*

Книга иллюстрирована фотографиями
из семейного архива автора

Колесников, Андрей Владимирович.

К60 Дом на Старой площади. Сноски и примечания / Андрей Колесников. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 346, [6] с. — (Мемуары — XX век).

ISBN 978-5-17-110349-1

Андрей Колесников — эксперт Московского центра Карнеги, автор нескольких книг, среди которых «Спичрайтеры», «Семидесятые и ранее», «Холодная война на льду». Его отец — Владимир Колесников, работник аппарата ЦК КПСС — оставил короткие воспоминания. И сын «ответил за отца» — написал комментарии, личные и историко-социологические, к этим мемуарам. Довоенное детство, военное отрочество, послевоенная юность. Обстоятельства случившихся и не случившихся арестов. Любовь к еврейке, дочери врага народа, ставшей женой в эпоху борьбы с «космополитами». Карьера партработника. Черета советских политиков, проходящих через повествование, как по коридорам здания Центрального комитета на Старой площади... И портреты близких друзей из советского среднего класса, заставших войну и оттепель, застой и перестройку, принявших новые времена или не смирившихся с ними.

Эта книга — и попытка понять советскую Атлантиду, затонувшую, но все еще посылающую сигналы из-под толщи тяжелой воды истории, и запоздалый разговор сына с отцом о том, что было главным в жизни нескольких поколений.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110349-1

© Колесников А.В.
© ООО «Издательство АСТ»

*В мыслях я снова с ними, как будто только здесь –
деревянный стол над морем под оливами –
как будто только здесь я могу воздать им сполна.
Слова, что возникают на бумаге, напоминают –
вкусом? запахом? – тех, о ком они – их дыхание,
кожу, голоса, – и оборачивают их в податливый
целлофан человеческой памяти.*

Лоренс Даррелл. Александрийский квартет.

Жюстин. 1957

*Думаю, дело тут в любви: чем больше
вы любите воспоминание, тем более сильным
и удивительным оно становится.*

Владимир Набоков. Из интервью. 1962

Ветер выворачивает наизнанку листья олив и даже длинные иглы средиземноморской сосны. Листья становятся серебряными. Облака, тщательно обработанные, повисают как белье на электрических проводах. Остров, в несколько раз меньше нашего, сегодня хорошо виден – как будто изображение специально промыли. Странность состоит в том, что в ясные дни, вроде бы не ветреные и жаркие, этого острова не видно. Вчера я наблюдал с большой высоты бухту и дом, где жил Лоренс Даррелл с женой Нэнси и вел свой островной дневник 1937 года – *Prospero's Cell*. Знал бы он, какие орды англичан в шортах с континентальным греческим пивом «Митос» наперевес двинутся сюда годы спустя после него – клерка Форин-офиса, ненавидевшего Англию и служившего ей.

На моей родине в это время депутаты отменяют обувь на высоких каблуках, кружевные трусы и кеды. Расстояние усугубляет понимание абсурдности ситуации. Скоро они запретят самих себя, вернувшись к формуле Мая-1968 «Запрещено за-прещать».

Пробуждение на острове: крики петухов, гай птиц, ветер, солнечный луч сквозь занавеску, летящий самолет. Отсутствие расписания на приходящий день. Всё точно так, как в детстве.

Патриотизм рождается малой родиной из детства, а не большой родиной из учебника или тронной речи.

Приехать сюда в ноябре, в сезон штормов. Поселиться в примитивном номере окнами на прибор. Слушать дождь, который ветер пригоршнями бросает в оконное стекло. Смотреть на серое море. Домучивать у скверного камина албанский коньяк, разлитый в портовом городе Дуррес. И так провести в оцепенении в обезлюдевшей курортной деревне несколько дней.

Здесь, наверное, трудно было поверить в то, что где-то может начаться война. Пусть даже холодная война. Бомбардировка рая – а она состоялась во Вторую мировую – специфический акт.

Газеты доставляют сюда к двенадцати дня. На соседний остров, оглушенный грохотом цикад, их привозят морем к вечеру. Из четырех указателей на этом острове три обозначают путь к агентствам недвижимости, причем на итальянском языке, а один – на свалку, на английском. «Обзаведясь в киоске пресою вчерашней», как писал Бродский... А вот у нас плохо работает вай-фай. Когда он отключается, хозяйка-англичанка иронически пожимает плечами: *«This is Greece... Bloody internet... Sorry»*.

Здесь чаще во сне приходят родители и брат. Голова очищена от шелухи, вот они и приходят. К мемуарам отца я решил написать примечания. Или сноски. Или сноски и примечания. Чтобы объяснить себе своих родителей. И их время. И себя им – постфактум, *postmortem*. Посмотреть на мир их глазами и, как передают друг другу бинокль, дать им насмотреться на мою оптику. А потом повернуть его обратной стороной.

Вот аутентичный текст, написанный от руки неверным почерком инсультного больного и перепечатанный братом больше четверти века назад на только появившемся тогда «Хьюлетт Паккарде» – этими компьютерами была оснащена рабочая дача правительства в Волынском-2. А брат работал спичрайтером премьер-министра. Он умер через шесть лет после кончины отца. Электронная версия утрачена. Бумажная чудом сохранилась. Текст мемуаров отца, который имел два названия – «Это было, было...» и «20 лет на Старой площади», я буду обозначать другим шрифтом. Начнем.

Глава 1. ПЕРВЫЕ РАДОСТИ

По дорожке Филевского парка медленно продвигается, тяжело опираясь на палку, высокий согбенный старик. Внимательно вглядывается в снежные бугорки и углубления, стремясь поставить ногу не на

Андрей Колесников

скользкое место. Неужели этот человек, с трудом переставляющий слабые ноги, – это я? Да, это я, Владимир Иванович Колесников, инвалид второй группы после «фирменной» болезни цекистов. В нашем кунцевском поселке живут бывшие работники аппарата ЦК КПСС, та самая ненавистная «партноменклатура», виновная, по мнению многих, во всех бедах нашего многострадального отечества.

Мы въехали в квартиру в этом поселке у метро «Кунцевская» в августе 1972-го. Однажды отец повез меня с Ленинского проспекта, где мы жили, показывать новый дом. Кухня, крашенные серым стены. И белая розетка, на которой красной краской было написано «Радио». Первого сентября в память о моем первом классе мы посадили у нашего дома выкопанный в парке клен – взамен упавшего мертвого старого дерева. Этот клен растет до сих пор. В нашем микрорайоне, в народе называвшемся Царским селом или Ондатровым поселком (за одинаковые шапки, которые шили работникам ЦК в ателье в Большом Черкасском переулке), проживал номенклатурный плебс – основная масса работников аппарата среднего звена и техническая обслуга. Наверное, количество самый большой номенклатурный заповедник эпохи застоя.

Детские площадки, спортплощадки, магазин – «циковский», как говорили в том же народе, кото-

рый невольно объединил два понятия – историческое и современное, оба символизировали большевистскую власть – ЦИК и ЦК. Считалось, что там «лучше снабжение», поэтому очереди были чудовищными. Чуть поодаль, практически в парке, за забором располагались два сверхэлитных дома, больше похожих на шикарные (в тогдашнем понимании) пансионаты, – академиков АН СССР и Совмина Союза. Совминовский дом якобы строили для Брежнева, но Леонид Ильич не захотел покидать квартиру на Кутузовском. Здесь жили, среди прочих, председатель Госплана Николай Байбаков, обозреватель «Правды» Юрий Жуков, чью передачу с разбором писем трудящихся о международной обстановке так любила смотреть моя бабушка (грузный, спокойный, пожилой Жуков вызывал доверие). И застрелившийся первый зампред КГБ Семен Цвигун. Существовал запрет на движение личного транспорта по дороге, которая шла вдоль забора этих двух домов, зато останавливался самый обычный автобус.

Большинство моих сослуживцев прошли примерно одинаковый путь: после тяжких трудов, по принципу «пораньше приди, попозже уйди с работы», без отдыха, без выходных, еле-еле дожив до 60 лет, получали «в награду» инфаркт или инсульт и отправлялись либо на «склад готовой продукции» соседней

Андрей Колесников

Кунцевской больницы, либо после реанимаций и реабилитаций выбирались на слабых ногах на аллеи нашего парка.

Слишком серьезные обобщения. Да, многие перерабатывали. И да, зарабатывали сердечно-сосудистые заболевания. Рано умирали или теряли трудоспособность. Во многом это было связано с поколенческими проблемами со здоровьем – с военными или послевоенными детством и юностью. Тем не менее многие работники аппарата ЦК отличались, и иные и до сих пор отличаются, завидным долголетием.

Вообще говоря, ЦК был приписан к обществу «Динамо», и по выходным в Филевском парке невозможно было найти свободной лыжни – ответработники в синих шерстяных спортивных костюмах заселяли всё пространство. Брейгель бы не знал, что делать со столь щедрой натурой. Их достижения, километраж и время пребывания на трассе фиксировались специальными дежурными, которые по субботам и воскресеньям мерзли у входа в парк рядом с дачей товарища Промыслова, председателя Моссовета в течение 22 лет. Впоследствии там располагалась ешива, которую добрые люди однажды, в 1990-е годы, подожгли. А затем на этом самом месте построили элитный дом. Молва приписывала проживание там тогдашнему (вре-

мен строительства дома) премьер-министру Фрадкову. А теперь уже никто и не помнит, кто такой Фрадков...

Навстречу уверенно шагает трехлетний карапуз. «Дядя, вы старенький?» Голубые глазенки внимательно разглядывают мою палку. «Да, деточка». С чувством превосходства он гордо добавляет: «А я – молодой». Топают ножкой в красном сапожке: «Я могу бегать». И берет старт. Беги, малыш! А я вздыхаю: сам-то уже отбегался и даже отходился...

«Когда отчетливы приметы / Того, что стар и одинок, / Пиши чеканные сонеты, / Сонетов царственный венок. / Когда дела идут к закату / И руки скованней в кистях, / Играй воздушную сонату / Прозрачной формы в трех частях».

Да, вот пришло время и мне браться за сонет. Мемуарный «сонет» в прозе...

Это – стихи Ларисы Миллер. Я познакомился с ней в начале 1990-х и давал читать ее сборники уже тяжело больному отцу, понимая, что прозрачная ясность стихов Ларисы, ученицы Арсения Тарковского, ему, стороннику всего классического, понравится. Это была своего рода терапия. И вот он процитировал стихотворение Миллер. Превратив в фактический эпиграф к своим воспоминаниям.

* * *

Мне кажется, что я помню себя с двух-трех лет от роду. В трехлетнем возрасте, то есть когда я уже уверенно ходил и бегал, мы жили в селе Киструс Спасского района Рязанской области. Помню высокий берег Оки и дорогу – спуск к воде, где река летом мельчала так, что можно было перейти ее вброд, и я видел, как тяжело нагруженные телеги и возы сена важно пересекали реку, а потом медленно карабкались вверх. Село, по моим представлениям, было сплошным яблоневым садом. Видимо, это была весна, и сады бурно цвели бело-розовым цветом. Наверное, я был озорным неслухом, потому что один бегал в амбар и барахтался там в куче зерна.

Позже мы с мамой приехали в город Спасск, где я прожил у бабушки Нади до семилетнего возраста. Небольшой домик на окраинной улице состоял из одной комнаты с большой печью, на которой я так уютно устраивался на ночь. В красном углу всегда мерцала лампадка, освещающая большую, в золотом окладе, икону с темным ликом Богородицы, которую моя бабушка, стоя на коленях, упрашивала пожалеть нас, сохранить и помиловать неизвестно за какую нашу вину. Кроме того, из комнаты можно было выйти в просторные сени, откуда было два выхода – на улицу и во двор, где проходили все мои игры – почему-то всё время я строил там землянки. Через забор от соседей тянулись ветви яблонь и груш, а осенью на радость мне с них падали

теплые плоды. А прямо за забором, по которому важно расхаживал его хозяин – боевой петух, начинались бескрайние поля и заветная тропинка к берегу Оки.

Плавать я тогда еще не умел, поэтому просто шлепал по колено в воде, спугивая стайки пескарей, или плескался, лежа на животе. Иногда вместе с друзьями просился перевезти нас на другой берег – там, в привольных заливных лугах, мы прыгали и кувыркались, вдоволь наедались диким луком. Надышавшись запахами луговой травы и цветов, спешили домой – или на пароме, или опять упрасивая счастливых обладателей лодок.

Таково свойство памяти – наводит резкость, если надо. Даже если чего-то сразу не видно, настроив оптику памяти, можно обнаружить множество деталей. Проложить дорогу. Восстановить запахи и звуки, облик человека... Иногда резкость внезапно наводится сама. Вдруг просыпаюсь с четким слайдом перед глазами – прозрачное утро в рамке окна казенной дачи лета 1974 или 1975 года: синее небо и светоносные сосны. И вспоминаю стихотворение самой младшей сестры бабушки – обожаемой всеми тети Гени Кац-Каган, которая еще вернется не раз в это повествование: «...Тем ясным, теплым утром ранним / Возникло детство в дымке дальней / В каком-то легком полусне...» Потом внутреннее зрение можно перевести направо – грубо обструганные доски стены комму-